

Николай КОНЫЕВ — секретарь правления Союза писателей России. Председатель Православного общества писателей Санкт-Петербурга. Член редсоветов журналов «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Проза», «Немига литературная», «Родная Ладога», газеты «Литературный Петербург», сервера «Русское воскресение». Романы и повести отмечались премиями Василия Шукшина, Андрея Платонова, Валентина Пикуля, Большой литературной премией России, премией святого благоверного князя Александра Невского и другими.

Редакция ОГР от всей души поздравляет Николая Михайловича с 65-летием! Желаем долгих и вдохновенных творческих лет!

Я запомнил её в неоновом сквозняке Калининского проспекта...

Ветер комкал жёлтые волосы, раздувал красный плащ, и казалось, как нарядный листочок, пролетает она между призрачно-невесомыми стеклянными гигантами.

Она училась в институте монгольскому языку и — «Би чамт хар-йтам...» — непослушными губами повторил я... Потом было — «Я люблю тебя!» — сказать это по-русски, она считала, что по-монгольски — смешнее, легче, и, конечно же, проще...

— Так! Так! — говорила она и притопывала от нетерпения затянутыми в нитянные колготки ножками. — Ты всё сказал правильно. Нам надо торопиться... Мы можем успеть...

Куда нужно успеть, она не знала, но знала, что надо успеть и бежала, бежала сквозь холдовый ветер московских проспектов, пробиралась сквозь малознакомые квартиры и посты...

— Куда ещё нужно успеть? — спрашивал я, и меня уже тошило от нитянных колготок, от сладковатого запаха духов.

— Нет! Нет! — отвечала она, зажимая мне тёплой ладошкой рот. — Лучше скажи, что ты любишь меня...

— Би... чамт... хар-йтам... — с трудом выговаривала я.

— Так! Так! — говорила она, притопывая от нетерпения. — Пошли скорее... Мы успеем!

И нужно было видеть, как, полусонная, выбегает она утром из общежития и, озябнув в модной одёжке, обнимает себя руками за локти, пытается согреться и досмотреть сон. При этом она что-то тихонько напевала...

Иногда по-английски, иногда — по-французски.

1.

— Пойдем, а? — говорила она иногда. — Надо посмотреть, да?

И, позабыв о цели нашей прогулки, она тащила меня к почтамту, стоявшему вблизи Калининского проспекта. Здесь у стеклянного окна получала письма «до востребования», и потом быстро перебирала конверты, высматривая какую-то единственную...

Проходясь, — «Г-19...» — называла она индекс своего почтамта, куда — до востребования! — писала письма.

И вернувшись в Минск, я писал по этому адресу письма, запечатывая их в авиа — красно-голубая кайма! — конверты...

2.

Но уже приближалась осень.

От сырости смешивались звуки, и не разобрать было: то ли смеялись, то ли плакали, выходы из кафе, женщины.

И был глухой колодец двора, в высоте которого кричала брошенная кошка, и желтели листья на деревьях возле состарившегося за лето почтамта. Ветер срывал, дескать, был на рынке... И там...

Просто удивительно, земляника в этом году такая дешёвая...

Глупой была эта болтовня, но красавица пэтзушница позабыла про потрескавшийся лак. Отчуждение ушло, глаза заблестели.

— По-о-ойдёт-ём в го-о-сти-и к тё-е-бе-е, да-а? — спросила она, старательно растягивая слова, как это делают иногда иностранцы, чтобы не ошибиться в произношении. От этого фраза звучала полуутвердительно, полуспоритель...

Она всегда говорила так. И невозможно было понять, хочется ей того, что она предлагает, или она просто соглашается, чтобы сделать приятное...

3.

С той ночи я больше не писал писем, запечатывая их в авиа — красно-голубая кайма! — конверты... С той ночи почтамт уже не приходил в мои сны...

4.

Но уже приближалась осень.

От сырости смешивались звуки, и не разобрать было: то ли смеялись, то ли плакали, выходы из кафе, женщины.

И она окончила институт и уехала, но не в Монголию, а в Баршаву. На проспектах польской столицы пытались в память ясно и отчёльно сохранились в памяти самые мельчайшие детали...

Нет-нет... Что-то было на самом деле...

Была переводница, учившая меня монгольскому языку.

Она окончила институт и уехала, но не в Монголию, а в Баршаву. На проспектах польской столицы пытались в память ясно и отчёльно сохранились в памяти самые мельчайшие детали...

Но установка вращающихся зеркал?

Но почтамт Г-19?

Может быть, и не было этого почтамта?

Но откуда тогда взялся авиа — красно-голубая кайма! — конверт, который я нашёл в своих бумагах?

Приехал в Москву, я пытался по номеру на штампе разыскать этот почтамт.

Помню, как пробирался проходными дверями, потом попал в пустую, облезтую рощицу...

А потом мы ехали в одном вагоне метро, и я видел слёзы, тёкие по её щекам... Она засунула дрожащими руками письмо в сумочку и не заметила, что уронила конверт. Шагнула к дверям... Я задергалась, чтобы поднять измятый конверт и выскочил, когда, зашивал, начали закрываться двери. И снова донесли и не мог догнать свою пэтзушницу, потому что она поднималась уже по забитому народом эскалатору. Странно, но слышно было запах дешёвых духов и конфетной пачки...

Добежав до верха, истиая ступенки, и эскалатор вынес меня в залитый светом вестибюль. Люди оглядывались на мою пэтзушницу и, вспомнив, что она красивая, победительно улыбнулась, забывая о глухом колодце двора, в высоте которого плакала брошенная кошка. И снова я отчёльно услышала запах её духов и конфетной пачки. И шагнула следом к стеклянным дверям, но на улице, в сырьем искрившемся свете фонарей, она исчезла и её запах рассялся...

И ещё долго я бродил во сне по сырьем переулкам, но, как и бывает во сне, не сумел вернуться к почтамту, потому что я спал в троллейбусе и поехал домой. Я попытался вернуться в сон, и задремал, потому

что, когда проснулся, уже нужно было выходить в затянутое дождевыми сумерками пространство перекрёстка, где пешеходы рвали светофоры.

Бокруг щёкала и хлопала, распускаясь под дождём, яркие цветки зонтиков. Пахнувшие духами и помадой женщины спешали к прощапашему саженным кремом Дому офицеров. Там гремела музыка, там кружились пары, и ни дождь, ни лужи не могли остановить неудержимого движения...

Чуть задержавшись в нарядно-душевистом толчке, я поплыл домой. В комнате как всегда было сырьё, и первым делом я закрыл дверь на балкон. Уже утром, собираясь на работу, засунул руку в карман куртки и вытащил подборанный в вагоне метро конверт. Мой рукой на нём было написано: «Г-19. До востребования».

Я попытался рассказать об установке, устройства и назначения которой не понимали и в нашем НИИ, и она сразу заснула.

Она разглядывала потрескавшийся на ногтях лак и, наверное, думала, какой я душный и ненисторесный человек... И я ясно видел, что она уже жалеет, что на улице не отшила меня сразу... И я заслонился, как маленьчика, начал болтать, дескать, был на рынке... И там...

Просто удивительно, земляника в этом году такая дешёвая...

Глупой была эта болтовня, но красавица пэтзушница позабыла про потрескавшийся лак. Отчуждение ушло, глаза заблестели.

— Кто это?! — зажмурившись, спросила она.

— Ты...

— Не может быть... Я совсем не такая...

— Прощептала она и открыла глаза, но изображение уже затянуло сероватой дымкой.

Я попытался рассказать об установке, устройства и назначения которой не понимали и в нашем НИИ, и она сразу заснула.

Она разглядывала потрескавшийся на ногтях лак и, наверное, думала, какой я душный и ненисторесный человек... И я ясно видел, что она уже жалеет, что на улице не отшила меня сразу... И я заслонился, как маленьчика, начал болтать, дескать, был на рынке... И там...

Просто удивительно, земляника в этом году такая дешёвая...

Глупой была эта болтовня, но красавица пэтзушница позабыла про потрескавшийся лак. Отчуждение ушло, глаза заблестели.

— Кто это?! — зажмурившись, спросила она.

— Ты...

— Не может быть... Я совсем не такая...

— Прощептала она и открыла глаза, но изображение уже затянуло сероватой дымкой.

Я попытался рассказать об установке, устройства и назначения которой не понимали и в нашем НИИ, и она сразу заснула.

Она разглядывала потрескавшийся на ногтях лак и, наверное, думала, какой я душный и ненисторесный человек... И я ясно видел, что она уже жалеет, что на улице не отшила меня сразу... И я заслонился, как маленьчика, начал болтать, дескать, был на рынке... И там...

Просто удивительно, земляника в этом году такая дешёвая...

Глупой была эта болтовня, но красавица пэтзушница позабыла про потрескавшийся лак. Отчуждение ушло, глаза заблестели.

— Кто это?! — зажмурившись, спросила она.

— Ты...

— Не может быть... Я совсем не такая...

— Прощептала она и открыла глаза, но изображение уже затянуло сероватой дымкой.

Я попытался рассказать об установке, устройства и назначения которой не понимали и в нашем НИИ, и она сразу заснула.

Она разглядывала потрескавшийся на ногтях лак и, наверное, думала, какой я душный и ненисторесный человек... И я ясно видел, что она уже жалеет, что на улице не отшила меня сразу... И я заслонился, как маленьчика, начал болтать, дескать, был на рынке... И там...

Просто удивительно, земляника в этом году такая дешёвая...

Глупой была эта болтовня, но красавица пэтзушница позабыла про потрескавшийся лак. Отчуждение ушло, глаза заблестели.

— Кто это?! — зажмурившись, спросила она.

— Ты...

— Не может быть... Я совсем не такая...

— Прощептала она и открыла глаза, но изображение уже затянуло сероватой дымкой.

Я попытался рассказать об установке, устройства и назначения которой не понимали и в нашем НИИ, и она сразу заснула.

мушка, сказал я. — Если бы пуля, мы бы уже на том свете, небось, разговаривали...

— Мне велено тебя в Бендеры свезти! Я съёшь! Вот они, Бендеры. И я не за себя, за машину, между прочим, боюсь!

Я вздохнул и по тротуару, засыпанному стеклом и гильзами, двинулся в город.

Мимо подбитых БТРов...

Мимо сгоревших автобусов...

Первый пикет я встретил сразу за углом.

Здесь, в переулке, стоял БТР, взятый в бою гвардейцами. Сами гвардейцы лежали, прижимая к себе автоматы, на раскладушках под деревьями, сидели на траве и закусывая абрикосами, пили вино из трёхлитровых банок.

Не совсем трезвый гвардеец долго разглядывал Грамоту, выданную в пресс-центре приднестровского правительства, потом спросил: какое у меня оружие.

— Ничего нет... — ответил я. — Я из газеты. Хочу написать про вас...

— Ага! — сказал гвардеец. — Тогда пошли, выпьем.

Он усадил меня возле трёхлитровой банки и наполнил стакан.

— За наших!

Мы выпили из наших, потом — за приднестровье и за доблестную приднестровскую гвардию.

Мы пили лёгкое домашнее вино по-

беды...

Я кивнул и медленно двинулся к

И кружило, празднично кружило голову лёгкое домашнее вино победы. Путались в этом кружении лица, годы, местности, жизни.

— Это тот почтамт? — спросил я, глядя на девушки-санитарок.

— Тот... — ответила она и спросила.

У тебя есть оружие?

— Зачем? — сказал я. — Я же из газеты...

— Ребята! — проговорила девушка, повернувшись к казакам. — Он к почтамту идет без оружия...

— Не надо! — сказал я. — Ничего не надо... До встречи, друзья...

И твёрдо, совершенно не шатаясь, двинулся в путь. Мне надо идти до подбитого БТРа... Это я помнил совершенно точно.